

НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ АДАПТАЦИИ ТЕКСТА ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Перевод как вид языкового посредничества представляет собой процесс создания на переводящем языке текста, равноценного в коммуникативном отношении тексту на исходном языке. В этом идеальном случае текст перевода должен оказывать на получателей информации такое же эмоциональное воздействие, как и исходный текст. Однако на практике это не всегда возможно, что обусловлено различными причинами лингвистического и экстралингвистического характера. С целью достижения коммуникативного равенства текстов на разных языках прибегают к приёму адаптации. Значение и роль адаптации возрастают в отношении текстов, содержащих национально-специфические элементы. К таким по праву можно отнести тексты общественно-политической тематики. В немецком языке они отличаются наличием эмоционально окрашенной лексики и политически ангажированных единиц, например, деонимов, образованных от имен политических деятелей (merkeln, Merkelianer, vor sich hin merkeln, Vermerkeln и др.). Появление таких слов в немецком языке связано с актуальными событиями общественно-политической жизни, а с лингвистической точки зрения – благодаря благозвучию производящей основы. Носители языка вряд ли испытывают сложности в «дешифровке» таких наименований, поскольку им знакомы культурные маркеры – конкретные лица и ситуация, связанная с появлением нового слова. Сложности возникают при переводе подобных текстов на русский язык, так как деоним является средством вторичной номинации и не имеет эквивалента в переводящем языке. Интерес в связи с этим представляет вопрос о возможности адаптации исходного текста в процессе перевода и её границах.

Ключевые слова: немецкий язык, политический медиадискурс, перевод, деонимизация, адаптация текста

Под переводом понимается процесс создания на языке перевода текста, который был бы равен в коммуникативном отношении тексту оригинала. Такой точки зрения придерживались, в частности, известные отечественные теоретики переводоведения, например, В.Н. Комиссаров и Л.К. Латышев [3; 5; 6]. Они отмечали, что в идеальном случае текст перевода должен оказывать на получателя ин-

формации такое же эмоциональное воздействие, которое было заложено автором в тексте оригинала. Особенно важно это может быть для перевода текстов СМИ, так как связано с манипулятивной и суггестивной функциями массовой коммуникации, частью которой является медиадискурс. Конечно же, приоритетное значение в текстах СМИ имеют информативная и коррелирующая функции, то есть необходи-

мость предоставлять информацию о происходящих событиях и комментировать их. Однако не менее важной оказывается необходимость оказывать на получателей информации определённое эмоциональное воздействие, особенно в тех случаях, когда они ещё не сформировали своего собственного отношения к тем или иным фактам. Главным инструментом в этой ситуации оказывается язык, о воздействующей силе которого, именно в текстах СМИ, говорила Е.С. Кубрякова [4, с. 61]. Но если в языке оригинала используемые журналистами языковые средства достигают необходимого эффекта, то при переводе на другой язык это не всегда оказывается возможным по причинам как лингвистического, так и экстралингвистического характера. В этом случае, с целью достижения равнодейственного (по терминологии Л.К. Латышева [5, с. 58]) коммуникативного эффекта, или приближённо к нему, зачастую прибегают к приёму адаптации. Отметим, что речь идёт не об упрощённом или сокращённом варианте текста перевода, а о его модификации, то есть приспособлении к «предельно адекватному восприятию получателем информации другой культуры» [8, с. 70]. Говоря о прагматической адаптации, многие имеют в виду в основном тексты художественной литературы [см., например, 7; 8; 9]. Безусловно, значение и роль адаптации возрастают, если текст содержит национально-специфические элементы культуры языка оригинала. Но это явление наблюдается не только в художественных текстах. По нашему мнению, такими особенностями по праву обладают также тексты СМИ общественно-политической тематики. Подтверждение тому можно найти и в других работах [1]. Рассмотрим несколько примеров необходимости и возможности адаптации при переводе текстов медийного дискурса.

Определённые сложности могут возникнуть при передаче имён собственных с немецкого языка на русский, особенно если они вовлечены в игру слов. Известно, что немецкие фамилии часто называют «говорящими», появление многих, как, впрочем, и в русском языке, связано с указанием, например, на род деятельности: *Müller* (мельник), *Schmidt* (кузнец), *Schneider* (портной), *Fischer* (рыбак), *Weber* (ткач) и др. В игру слов однако вовлекаются, как правило, многосложные имена. Приведём один показательный пример: *Und Rolf Schweiger (FDP) höhnte: „Ich befürchte (...), dass dem deutschen Finanzminister ein Stein aus der Brücke fallen könnte, wenn ich sage, dass es*

im Wilden Westen auch anderes gegeben hat. Es gab Maulhelden (...)“ [welt.de; 18.03.2009]. Речь идёт о Пеере Штайнбрюке (Peer Steinbrück), который в 2005–2009 гг. занимал пост министра финансов. В данном предложении либерал Р. Швайгер очень негативно высказывается о П. Штайнбрюке, обыгрывая его фамилию и разбивая её на две части (*der Stein; die Brücke*), каждая из которых имеет самостоятельное значение (камень; мост). Носителю языка понятен этот посыл и неприязненное отношение автора высказывания не столько к самому министру, сколько к его действиям. Однако вряд ли представляется возможным добиться такого же эмоционального воздействия при переводе данной фразы на русский язык. Семантически точный, то есть буквальный перевод, ничего не скажет получателю, игра слов будет непонятной, а адаптация неизбежно приведёт к потере экспрессивной составляющей. При переводе данной фразы на русский язык приходится уходить от игры слов, подбирая соответствующие языковые средства, чтобы донести до читателя, хотя бы приблизительно, мысль автора, например: «А Рольф Швайгер (СвДП) насмехается: „Я боюсь (...), что господин министр очень бы удивился, узнав, что на Диком Западе бывало также иначе. Были хвастуны (...)“».

В следующих примерах при переводе сложного слова также потребуются адаптация, а именно добавление и расширение информации, что, с одной стороны, не так экспрессивно, но всё же донесёт необходимую информацию до получателя, с другой, усложнит конструкцию переводного текста. *Mit einer halbseitigen Anzeige in ihrer Heimatzeitung F.A.Z. macht die ehemalige CDU-Politikerin und Ex-Vertriebenenpräsidentin Erika Steinbach Werbung für die rechtspopulistische Partei AfD* [bild. de; 2017]. *Ganz besonders freuen dürfte das die Bundestagsabgeordnete Erika Steinbach, die langjährige Vertriebenenpräsidentin, die im Januar aus der CDU ausgetreten ist...* [dradio.de; 2017]. Трудность при переводе может представлять сложное существительное **Vertriebenenpräsidentin**. Для того, чтобы подобрать адекватные языковые средства в русском языке, необходимо знать экстралингвистическую подоплеку появления этого понятия. Во всех упомянутых предложениях речь идёт об Эрике Штайнбах, которая долгое время возглавляла Союз изгнанных. Эта организация представляла интересы немцев-переселенцев, бежавших из Восточной Пруссии или Силезии от наступающих советских войск или депортированных с этих территорий после

второй мировой войны. Деятельность организации в наше время, например, требования о возврате потерянного имущества или о возмещении ущерба, и активность самой Э. Штайнбах привели к осложнению отношений Германии с Польшей и Чехией. В немецком языке слово *Vertriebenenpräsidentin* применяется только в отношении Э. Штайнбах и стало практически основной её характеристикой, содержащей, как правило, негативную коннотацию. Передавая содержание указанных выше предложений, желательнее обязательно отметить, может быть, в примечаниях переводчика, роль и задачи данной организации: «Разместив в газете „Франкфуртер Альгемайне Цайтунг“ (F.A.Z.) объявление на полстраницы, бывший политик от ХДС и бывший председатель Союза изгнанных¹ Эрика Штайнбах делает рекламу правопопулистской партии „Альтернатива для Германии“ (АдГ)» (прим.¹ Союз изгнанных – общественная организация Германии, созданная в 1957 г. и объединяющая депортированных после второй мировой войны лиц; в 1998-2014 гг. организацию возглавляла Э. Штайнбах, деятельность которой часто подвергалась критике и вызвала осложнение отношений между ФРГ и Польшей) [bild.de; 2017]. «Вероятно, это особенно обрадовало депутата бундестага Эрику Штайнбах, которая долгое время возглавляла Союз изгнанных¹ и в январе вышла из состава ХДС...» (прим.¹ Союз изгнанных – общественная организация Германии...) [dradio.de; 2017]. К сожалению, в данном случае также сложно выразить негативный компонент, и также неизбежна потеря экспрессивной составляющей.

К приёму адаптации приходится прибегать и при переводе деантропонимических наименований. Отметим, что они составляют особенность современного немецкого политического медиадискурса, и их также можно отнести к национально-специфическим элементам немецкой культуры. Имена нарицательные, образованные от имён видных политических и государственных деятелей ФРГ, появляются в немецком языке постоянно с лёгкой руки журналистов, например: *hartzen, guttenbergen, entschrodern, genschern, die Verschulzung, die Vermerkelung, södern, lindnern, ausgeschulzt* и др. С помощью такого яркого выразительного средства они могут ёмко и очень образно охарактеризовать то или иное событие, причём именно с негативной стороны. Неслучайно поэтому эти новообразования «уходят в народ». Сферу употребления такихokka-

зионализмов составляют дискурс онлайн-СМИ, социальные сети, блоги, форумы. Наибольшая активность появления этих единиц наблюдается в последнее время; самым популярным по словопроизводству является имя действующего канцлера ФРГ. Приведём несколько деонимов, образованных от имени *Merkel* с указанием только некоторых дат их употребления в немецком политическом дискурсе СМИ: *merkeln* (2002, 2012, 2015, 2016, 2017); *merkalisieren* (2007, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016); *ausgemerkelt* (2008, 2014, 2015, 2016, 2017); *der Merkelianer* (2010, 2011, 2013, 2015, 2016); *Merkel'sch/Merkelsch* (2005, 2010, 2015, 2016); *merkelfeindlich* (2005, 2011, 2015, 2016) и др. Немецкие исследователи также изучают прагматику деантропонимических наименований. Мартин Венгелер, например, считает такие обозначения средством языковой экономии и выразительности, они, с одной стороны, привлекают внимание, с другой, дискредитируют выражаемые понятия: «*Welche pragmatischen Funktionen hat der Gebrauch der Deonomastika? Ich erkenne vor allem die drei Funktionen Ökonomie, Abwertung sowie Originalitäts- und Aufmerksamkeitsgewinn*» [11, с. 91]. Именно в этом проявляется, с нашей точки зрения, воздействующая сила языка и суггестивная функция медиадискурса.

Сталкиваясь с подобными наименованиями в текстах СМИ, носители языка, наверняка, не испытывают трудностей в их понимании. Предполагается, что им знакомы конкретные персоналии и ситуация, связанная с появлением того или иного деонима-окказионализма. Можно сказать, что журналисты таким образом создают своеобразный эзопов язык, понятный только кругу посвящённых. Для того, чтобы «расшифровать» значение деантропонимических единиц для носителей другого языка, необходимо выяснить историю их появления и знать связанные с ней события. И, к сожалению, не всегда удаётся путём адаптации подобрать эквивалентное решение в языке перевода, сохранив при этом ещё и заложенную в деонимах негативную коннотацию. Особенно трудно это оказывается, если деоним вовлекается в игру слов. Так, например, в известном немецком издании «F.A.Z.» в начале марта этого года появилась статья под заголовком «*Spahnende Tragröhdie*» [fat.net; 04.03.2018]. Это очень показательный пример игры слов с привлечением деонимов, образованных от имён политиков от ХДС Йенса Шпана (Jens Spahn) и Германа Грёе (Hermann Gröhe). На момент появления статьи было известно, что один (H. Gröhe)

пока исполняет обязанности министра здравоохранения, другой (J. Spahn) должен сменить его на этом посту в новом правительстве ФРГ. В оригинале заголовок содержит столько иронии и сарказма! Но вряд ли получится подобрать к нему эквивалент в русском языке с таким же значением. Можно только попытаться адаптировать заголовок для получателей переводного текста и отразить непростые отношения между этими политиками, представляющими одну партию, о чём собственно и идёт речь в статье – Трагикомедия Шпана и Грёэ / Трагикомичные отношения Шпана и Грёэ. Или, например, *Напряжённые отношения Шпана и Грёэ*, если принять во внимание, что игра слов связана, в том числе, и с немецким глаголом *sprengen* (в значении *натягивать, напрягать*). Вариантов может быть много, однако ни один из них не выразит того ироничного значения, которое было заложено автором статьи в оригинале.

С целью выявления возможных путей решения данной переводческой трудности была проведена апробация, в которой принимали участие студенты выпускного курса бакалавриата и магистранты МГИМО, изучающие немецкий язык как основной, всего 35 человек. Все участники знакомы с актуальными политическими событиями стран немецкоязычного региона и имеют опыт учебного перевода текстов общественно-политической тематики. Им было предложено в ограниченный период времени выполнить письменный перевод восьми коротких отрывков, в каждом из которых содержался деоним. Интересно было проанализировать, смогут ли участники апробации не просто подобрать эквивалент к немецкому слову в русском языке, но и при необходимости воспользоваться приёмом адаптации. Отметим, что со всеми заданиями справились 96% студентов. В некоторых случаях решения, действительно, можно считать удачными, например, при переводе примера с глаголом *entschrödern*: *So entschrödert Schulz die SPD* [spiegel.de; 20.02.2017]. Многие смогли воспользоваться приёмом адаптации и предложили следующие варианты перевода: *избавлять от наследия Шрёдера* (пример перевода: *Так Шульц избавляет СДПГ от наследия Шрёдера*); *развенчать культ Шрёдера* (пример перевода: *Так Шульц развенчивает культ Шрёдера в СДПГ*). К удачным решениям стоит отнести также варианты *дешрёдеризация* (пример перевода: *Дешрёдеризация СДПГ*) и *избавлять от иррёдеризма* (пример перевода: *Так Шульц*

избавляет СДПГ от иррёдеризма). Здесь просматривается аналогия с термином *десталинизация*, который является культурным маркером для носителей русского языка и поэтому схожий термин, применительно к другому имени, может вызвать равноценный коммуникативный эффект. Хорошо справились участники апробации с отрывком, в котором употреблялся деоним *merkalisieren*: *Es ist der größte Wahnsinn, was momentan passiert, zum Glück gibt es noch Länder wie Polen, welche sich nicht merkalisieren lassen* [focus.de, 19.01.2016]. Пример перевода: *«Просто безумием является то, что происходит сейчас, к счастью, ещё есть страны, не позволяющие Меркель манипулировать собой»*. Отметим, что и в этом случае студенты воспользовались приёмом адаптации, подобрали адекватные эквиваленты в русском языке и смогли донести отрицательную составляющую деонима. Так, например, помимо глагола *манипулировать*, встречались словосочетания *ставить в зависимое положение*, *«прогибаться» под Меркель*.

Неудачные переводческие решения в примерах с деонимами, с нашей точки зрения, можно отнести к такой категории ошибок, как неясность. Здесь мы пользуемся терминологией Л.К. Латышева, который различает *искажение, неточность и неясность* [5, с. 234–239]. В нашем случае *неясность* связана с тем, что в тексте перевода происходит потеря образности, что не позволяет чётко и однозначно выразить мысль автора, заложенную в тексте оригинала. За счёт этого снижается эмоциональное воздействие на получателя переводного текста. Рассмотрим следующий пример: *Dass der Bundesnachrichtendienst seit seiner Gründung durch die USA eine Außenstelle amerikanischer Geheimdienste war und es auch im souveränen Deutschland weiter bleibt, ist eben die andere Seite der Macht, ohne die nach der Merkel'schen Logik nichts geht* [10, с. 65]. Словосочетание *nach der Merkel'schen Logik* на первый взгляд имеет значение *«по логике Меркель»*, однако этот вариант перевода не выражает ясно мысль автора, так как представляется нейтральным, в то время как в немецком языке чётко выражена негативная коннотация. Иначе не было бы необходимости в употреблении деонима, для выражения нейтрального значения можно было бы воспользоваться словосочетанием *nach Merckels Logik*. Именно поэтому упомянутый выше вариант перевода представляется нам неясностью. Позволим предположить, что подобная ситуация нежелательна для медийного дискурса, поскольку

ку не позволяет в полной мере выразить суггестивную (т.е. зрелищную, эмоциональную) и манипулятивную функции. Можно предложить следующий перевод для данного примера: «То, что Федеральная разведывательная служба Германии с момента своего основания при поддержке США была филиалом американских спецслужб и остаётся им в суверенной Германии, является другой стороной власти, без которой **по логике „а-ля Меркель“** ничего не получится». Именно в варианте („а-ля Меркель“), по нашему мнению, просматривается негативное отношение автора высказывания, что и позволяет избежать неясности.

В отношении деонимов вряд ли можно говорить о лакунах в системе национально-специфических элементов. Подобное явление существует во многих языках, в том числе и в русском. Доказательством тому является и упомянутое ранее соотношение деонимов *десталинизация – дешифрование*. Однако, как правило, объёмы выражаемых понятий в различных языках, особенно в современном политическом дискурсе, не совпадают, что и требует необходимости прагматической адаптации. Таким образом, деонимы, представляя собой средства вторичной номинации, создают определённые трудности при переводе, в частности, с немецкого языка на русский. Переводческое решение будет во многом зависеть от контекста и адресности переводного текста. Скорее всего, в каждом конкретном случае переводчику придётся самому определять необходимость и допустимые границы адаптации – сохранять ли в переводном тексте семантику и структуру оригинала (напомним наш пример *десталинизация – дешифрование*) или отступить от этого параллелизма в пользу равноценного, или приближенного к нему, коммуникативного эффекта

(*merkelisieren – манипулировать, манипуляция со стороны Меркель*). Однако всегда следует помнить, что неверно выбранный приём, безграничная адаптация или её отсутствие могут исказить смысл высказывания, снизить эмоциональное воздействие на получателя или привести к нарушению процесса коммуникации.

В заключение отметим, что стремление к созданию эквивалентного переводного текста на всех уровнях (смысловом, стилистическом, прагматическом) вынуждает приспособлять текст перевода, в том числе и, может быть, в первую очередь, с учётом лингвистического и экстралингвистического опыта получателя переводного текста. Для решения проблемы переводимости/непереводимости текста были разработаны многочисленные модели перевода, например, трансформационная, компонентная, коммуникативно-прагматическая и др. [см. подробнее 9]. Мы считаем, что в случае с деонимами стоит обратить внимание, прежде всего, на лингвокультурологическую модель перевода, предложенную С.В. Евтеевым [2, с. 331]. В соответствии с этой моделью при переводе текстов с одного языка на другой необходимо учитывать не только особенности разных языков, но и особенности различных культур. Разделяя точку зрения С.В. Евтеева, нам представляется, что в процессе передачи информации на другой язык целесообразно сначала установить лингвокультурную специфику текста оригинала, а затем предложить варианты её выражения и постараться максимально сохранить при этом особенности и функциональное предназначение исходного текста. В этом случае важная роль отводится именно приёму адаптации, что позволяет добиваться оптимальной прагматической, семантической и стилистической адекватности в переводе.

Список литературы

1. Волкова Т.А., Зубенина М.А. Особенности реализации социокультурной и прагматической адаптации при переводе общественно-политических текстов // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 54–66.
2. Евтеев С. В. Лингвокультурологическая модель перевода // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 330–332.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Кубрякова Е.С. О разных подходах к изучению СМИ // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тез. докл. Междунар. науч. конф. 25–27 окт. 2001 г. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. С. 61–62.
5. Латышев Л. К. Технология перевода. Уч. пос. для студ. лингв. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
6. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.

7. Первухина С.В. Адаптированный художественный текст: способы повышения понятности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. № 25 (240). С. 130-134.
8. Фененко Н.А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 69-74.
9. Шелестюк Е.В. Лингвокультурный перенос как психолингвистическая основа переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 24 (135). С. 37-47.
10. Seipel H. Putin. Innenansichten der Macht. Hoffmann und Campe, Hamburg 2015. 365 S.
11. Wengeler M. Schaublewise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Dusseldorf, Trier. 2010. S. 79-98.

Сведения об авторе:

Чигашева Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: семантика современного немецкого языка в сопоставлении с русским, политический дискурс, лексикология, фразеология, переводоведение. E-mail: mchigasheva@mail.ru.

NECESSITY AND POSSIBILITY OF ADAPTATION OF SOCIO-POLITICAL TEXTS WHEN TRANSLATING FROM GERMAN INTO RUSSIAN

Marina A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *Translation, as a kind of linguistic mediation, is the process of creating a text in the language of translation that shall be equivalent in terms of communication to the text in the original language. In this ideal case, the text of the translation should have the same emotional impact on the information recipients as the original one. However, in practice this is not always possible, due to various reasons of linguistic and extralinguistic nature. In order to achieve communicative equality, texts in different languages are subjected to adaptation. The significance and role of adaptation increase with respect to the texts containing national-specific elements. The texts on a political subject can be rightly referred to such ones. In German, they are distinguished by the presence of emotionally colored vocabulary and politically engaged units, for example, deonims, derived from the names of politicians (merkeln, Merkelianer, vor sich hin merkeln, Vermerkelung, etc.). The appearance of such words in the German language is connected with the actual events of social and political life, and from the linguistic point of view – due to the euphony of the producing basis. Native speakers hardly experience any difficulty in “deciphering” such names, because they are familiar with cultural markers-specific individuals and the situation associated with the emergence of a new word. Difficulties arise when translating such texts into Russian, since the deonim is a means of secondary nomination and does not have an equivalent in the language of translation. In this regard the question of the possible adaptation of the original text in the process of translation and its boundaries is of specific interest.*

Key Words: *German language, political media-discourse, translation, deonimization, adaptation of texts*

References

1. Volkova T.A., Zubenina M.A. Osobennosti realizatsii sociokul'turnoi i pragmaticheskoi adaptatsii pri perevode obshhestvenno-politicheskikh tekstov [Pragmatic and Sociocultural Adaptation in Political Texts Translation] // Socio- i psiholingvisticheskie issledovaniia [Socio Rsycho Linguistic Research], 2015, no. 3, pp. 54-66.

2. Evtsev S.V. Lingvokul'turologičeskaja model' perevoda [Linguistic and cultural model of translation]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald], 2014, no 2, pp. 330–332.
3. Komissarov V.N. Teoriia perevoda (lingvističeskie aspekty) [Theory of translation (linguistic aspects)]. M.: Vysshaja škola, 1990, 253 p.
4. Kubriakova E.S. O raznykh podkhodakh k izučeniu SMI [On different approaches to studying the media]// Iazyk sredstv massovoi informatsii kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia [The language of the media as an object of interdisciplinary research]: tez. dokl. Mezhdunar. nauch.konf. 25–27 okt. 2001 g. M.: Filol. fak. MGU im. M.V. Lomonosova, 2001, pp. 61–62.
5. Latyšev L. K. Tekhnologija perevoda [Translation technology]. M., Akademiia, 2005, 320 p.
6. Latyšev L.K., Semenov, A.L. Perevod: teoriia, praktika i metodika prepodavaniia [Translation: theory, practice and teaching methods]. M., Akademiia, 2003, 192 p.
7. Pervuhina S.V. Adaptirovannyi hudozhestvennyi tekst: sposoby povyšeniia poniatnosti [Adapted artistic text: ways to improve intelligibility] // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Iskuststvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History], 2011, no. 25 (240), pp. 130-134.
8. Fenenko N.A. Lingvokul'turnaia adaptatsiia teksta pri perevode: predely vozmozhnogo i dopustimogo [Linguistic and cultural adaptation of the text in translation: the limits of the possible and permissible]// Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2001, no. 1, pp. 69-74.
9. Shelestiuk E.V. Lingvokul'turny perenos kak psiholingvističeskaja osnova perevodcheskoi adaptatsii [Linguocultural transfer as the basis of text adaptation in translation] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Iskuststvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History], 2013, no. 24 (315), pp. 37-47.
10. Seipel H. Putin. Innenansichten der Macht. Hoffmann und Campe, Hamburg 2015. 365 S.
11. Wengeler M. Schaubleise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch // Komparatistik Online. Dusseldorf, Trier. 2010. S. 79-98.

About the author:

Marina A. Chigasheva – PhD, Head of German Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: semantics of modern German language in comparison with Russian, political discourse, lexicology, phraseology, translation studies. E-mail: mchigasheva@mail.ru.

* * *